

Н. Долинина

Купец Ферাপонтов

Князь Николай Андреевич Болконский, отправляя в Смоленск своего управляющего Алпатыча, дал ему только обычные хозяйственные поручения. Но княжна Марья, по совету Десаля, послала с Алпатычем письмо к губернатору «с просьбой уведомить ее о положении дел и о мере опасности, которой подвергаются Лысье Горы».

И вот Яков Алпатыч собирается в путь, «провожаемый домашними, в белой пуховой шляпе (княжеский подарок), с палкой, так же как князь...»

Всякий раз, как на страницах «Войны и мира» появляется Алпатыч, он произносит имя князя Болконского, «гордо поднимая голову и закладывая руку за пазуху», — этим жестом он подчеркивает значительность своего хозяина. Вся жизнь Алпатыча — отражение жизни старого князя. Собираясь в дорогу, он точно так же, как князь, отстраняет своих родственников:

«— Ну, ну, бабьи сборы! Бабы, бабы! — пыхтя, проговорил скороговоркой Алпатыч точно так, как говорил князь, и сел в кибиточку».

Мы уже видели, что Толстой почти никогда не описывает войну от себя, своими глазами. Мы видели битвы глазами Николая Ростова и Андрея Болконского, мы увидим Бородино глазами Пьера — так и теперь мы подъезжаем к Смоленску, под которым уже стоят французы, вместе с Алпатычем.

Он волей-неволей выслушивает купца Ферапонтова, у которого всегда останавливается в Смоленске. На сообщение, что «все француза боятся», Алпатыч отвечает, как князь: «Бабьи толки, бабьи толки!» Его волнует одно: погода хорошая, упускается «дорогой день для уборки хлеба».

Купец Ферапонтов только один раз появится на страницах романа, но то, что с ним произойдет, поможет нам понять Наташу, и Андрея, и Петю, и всех людей, которые вчера жили в мире, а сегодня живут на войне.

Владелец дома, постоялого двора и мучной лавки, «толстый, черный, красный сорокалетний мужик с толстыми губами, с толстой шишкой-носом, такими же шишками над черными, нахмуренными бровями и толстым брюхом» — таков Ферапонтов. Не правда ли, мало симпатичный мужчина? Толстой нарочно рисует его таким: не живот у него, а «брюхо», не нос, а шишка; в трех строчках четыре раза повторено слово «толстый»; сам он «черный, красный», и первые же его слова — о деньгах: «Мужики по три рубля с подводы просят — креста на них нет!» Жена умоляет его уехать из Смоленска: «Не погуби ты меня с малыми детьми; народ, говорит, весь уехал; что, говорит, мы-то?» — Ферапонтов не хочет ехать ни за что, не хочет оставить добро, он избил жену за ее просьбы: «Так бил, так волочил!»

Единственное, что интересует Ферапонтова: как бы не заплатить по семь рублей за подводу (вчера было по три, сегодня уже по семь!); его мучит зависть к купцу Селиванову, выгодно продавшему муку в армию.

И вот Алпатыч выезжает с ферапонтовского двора. «Вдруг послышался странный звук дальнего свиста и удара, и вслед затем раздался сливающийся гул пушечной пальбы, от которой задрожали стекла».

Это было начало. «С разных сторон слышались свисты, удары ядер и лопанье гранат, падавших в городе». Если бы мы видели все это глазами князя Андрея или его отца, мы бы сразу поняли, что началось бомбардирование города из множества орудий. Но за нас смотрит Алпатыч, и он ничего не понимает; вокруг него людям только любопытно, даже весело — до той самой секунды, когда «засвистело что-то, как сверху вниз летящая

птичка, блеснул огонь посередине улицы, выстрелило что-то и застлало дымом улицу». Так увидели Алпатыч и женщины, стоявшие в воротах. Но что что-то, похожее на птичку, раздробило бедро любопытной кухарке — тогда только люди поняли, что происходит.

Уже идут по улице русские солдаты, оставляющие город; уже офицер кричит Алпатычу: «Сдают город, уезжайте, уезжайте!» — и в это время в лавку Ферапонтова врывается несколько солдат. Они «с громким говором насыпали мешки и ранцы пшеничной мукой и подсолнухами. В то же время... в лавку вошел Ферапонтов. Увидав солдат, он хотел крикнуть что-то, но вдруг остановился и, схватившись за волосы, захохотал рыдающим хохотом.

— Тащи все, ребята! Не доставайся дьяволам! — закричал он, сам хватая мешки и выкидывая их на улицу...

— Решилась! Расея! — крикнул он. — Алпатыч! решилась! Сам запалю. Решилась... — Ферапонтов побежал на двор».

Он остался тот же — черный, красный, с толстым брюхом, хитрый купец, умеющий из всего извлекать выгоду. Но в его крике: «Не доставайся дьяволам!», в его рыдающем хохоте: «Сам запалю» — будущий пожар Москвы и гибель Наполеона, потому что настал миг, когда купец Ферапонтов думает не о деньгах и товарах, а о России.

Может, он и не думает о ней, но чувствует за нее — так, как чувствуют в этот час все.

Уже горят дома и лавки, подожженные такими же хозяевами, как Ферапонтов, и люди несут «из пожара через улицу на соседний двор горевшие бревна», чтобы зажечь еще что-то, чтобы не досталось французам.

Не может в эту минуту произойти ничего удивительного даже то, что Алпатыча вдруг окликают князь Андрей, освещенный пламенем пожара, — даже это не странно: здесь должен быть князь Андрей, «в плаще, верхом на вороной лошади», с бледным и изнуренным лицом; он должен вот так, «приподняв колено... писать карандашом» записку отцу. Все сметено, война идет по Смоленску, и только один человек остается неизменным в этом безумном, полыхающем мире.

«— Вы полковник? — кричал штабный начальник, с немецким акцентом, знакомым князю Андрею головам. — В вашем присутствии зажигают дома, а вы стоите? Что это значит такое? Вы ответите, — кричал Берг, который был теперь помощником начальника штаба левого фланга пехотных войск первой армии...»

От этого «помощника начальника штаба левого фланга» душу переворачивает. Ничего, ничего он так и не понял, как не понял и его друг Друбецкой; у Берга в этой войне «место весьма приятное и на виду»; он не понимает, зачем зажигают дома; где ему — чистому и розовому — до толстого, красного, черного Ферапонтова!

А князь Андрей, который семь лет назад кричал на Жеркова за глупые шутки, сегодня не кричит на Берга: он его не замечает, не слышит.

«— Урруру! — вторя завалившемуся потолку амбара, из которого несло запахом лепешек от сгоревшего хлеба, заревела толпа. Пламя вспыхнуло и осветило оживленно радостные и измученные лица людей, стоявших вокруг пожара...

— Это сам хозяин, — послышались голоса».

Князь Андрей — с ними, с этими людьми, сжигающими свой хлеб, с купцом Ферапонтовым, и нет ему дела до Берга; забота у него — Россия.

После того, что князь Андрей видел в Смоленске, его уже не может удивить то, что он замечает, отступая со своим полком по большой дороге, мимо Лысых Гор: «Оставшиеся на корню хлеба сгорали и высыпались. Болота пересохли. Скотина редела от голода, не находя корма по сожженным солнцем лугам... Солнце представлялось большим багровым шаром. Ветра не было, и люди задыхались...»

Это — война. Но и на войне люди остаются людьми. Заехав в свое разоренное поместье, князь Андрей увидел двух крестьянских девочек, воровавших сливы в барской

оранжерее. Они испугались барина, и князь Андрей тоже «испуганно-поспешно отвернулся от них, боясь дать заметить им, что он их видел». После встречи с девочками был еще пруд, в котором «с хохотом и гиком» купались солдаты — «весельем отзывалось это барахтанье, и оттого оно особенно было грустно». Грустно потому, что война разрушает не только дома и амбары, она идет по человеческим жизням, и все эти люди весело барахтающиеся в пруде, завтра могут погибнуть, и девочки со сливами тоже, война не пощадит никого.

Но люди уже и не хотят пощады. Одна забота владеет этими веселящимися в грязном пруде солдатами, и купцами, жгущими свой хлеб, и полководцем Багратионом. Рискую заслужить гнев царя или всеильного Аракчеева, он все-таки после оставления Смоленска пишет Аракчееву письмо — прекрасное письмо не знакомого с дипломатией солдата: «Больно, грустно, и вся армия в отчаянии, что самое важное место понапрасну бросили... Слух носится, что вы думаете о мире. Чтобы помириться, боже сохрани!.. Ежели уж так пошло — надо драться, пока Россия может и пока люди на ногах... Скажите, ради бога, что наша Россия — мать наша — скажет, что так страшимся и за что такое доброе и усердное Отечество отдаем сволочам и вселяем в каждого подданного ненависть и посрамление...»

Что такое Россия — мать наша? Разоренный дом в Лысых Горах, девочки со сливами; Наташа, изменившая князю Андрею с Анатолом, сестра, сын, старик отец — вот Россия князя Болконского. У Ферапонтова она другая, у Багратиона — третья, но у всех одна, и все они: князь Андрей и Алпатыч, Николай Ростов в своем полку и Пьер в Москве; человек во фризовой шинели, радующийся пожару Смоленска, и стиснутый московской толпой Петя Ростов; купающиеся солдаты и генерал Багратион — все они знают теперь: пришел час, когда стало важно только одно — общая судьба всех, судьба Отечества.